

ББК 83.3(4)
УДК 821.112.2

В. Д. Сырвачева
V. Syrvacheva
г. Челябинск, ЮУрГГПУ
Chelyabinsk, SUSHPU

«ПОСЛЕДНИЙ МИР» КРИСТОФА РАНСМАЙРА КАК МЕТАРОМАН «THE LAST WORLD» BY CHRISTOPH RANSMAYR AS METAROMAN

Аннотация: Статья посвящена исследованию жанровой принадлежности романа Кристофа Рансмайра «Последний мир» к метапрозе. Анализ текста произведения с опорой на характерные черты метаромана, выделяемые современными исследователями, позволил определить тип отношений автора и героя, который можно назвать частичным слиянием в едином процессе творчества.

Ключевые слова: жанр метаромана; метапроза; роман «Последний мир»; отношения автора и героя.

Abstract: The article is devoted to the study of the genre belonging of Christoph Ransmayr's novel «The Last world» to the metaprose. The analysis of the text of the work based on the characteristic features of the meta-novel, highlighted by modern researchers, allowed us to determine the type of relationship between the author and the hero, which can be called a partial merger in a single creative process.

Keywords: genre of metaroman; metaproze; novel «The Last world»; the relationship of the author and the hero.

Одним из представителей австрийской прозы второй половины XX века, чей дебют пришелся на начало 80-х годов, стал Кристоф Рансмайр – австрийский писатель и журналист. Национальное стремление обрести «...под покровом "порядка" ощущение зыбкости жизни» [5, с. 20], «...освоить действительность не в её конкретно-исторических реалиях, а на уровне метафорическом» [9, с. 4] по-разному отразилось в главных его романах «Ужасы льдов и мрака» (1985), «Последний мир» (1988), «Болезнь Китахары» (1995), «Летучая гора» (2006). В текстах Кристофа Рансмайра нашла отклик тема разрушения и формирования национальной идентичности, ставшая «...характерной чертой австрийской словесности периода 1980-х – 1990-х» [6, с. 3] годов. «Романы Рансмайра были оценены в "превосходных степенях", а их молодой автор был причислен к "классическим образцам постмодернизма"» [10, с. 183]. Литературный опыт писателя представляет интерес для современных исследователей благодаря тому, что «...у него особый взгляд, он смотрит на ситуацию не изнутри, как большинство его коллег, а со стороны, не критикует, исследуя частности, а рассуждает о сути и в этом, пожалуй, заключается главное своеобразие его художественной манеры» [6, с. 4].

Идея написания текста, «...направленного на само событие рассказывания» [1, с. 1], получившая широкое распространение в рамках постмодернистской литературы XX века, воплощена в метаромане Кристофа Рансмайра «Последний мир».

Структура метапрозы определяется рядом характерных черт. Например, М. Липовецкий выделяет следующие признаки жанра: «1) тематизация процесса творчества; 2) высокая степень репрезентативности "внезапного" автора-творца, находящего своего текстового двойника в образе персонажа-писателя, нередко выступающего как автор именно того произведения, которое мы сейчас читаем; 3) зеркальность повествования, позволяющая постоянно соотносить героя-писателя и автора-творца, "текст в тексте" и "рамочный текст"; 4) "обнажение приема", переносящее акцент с целостного образа мира, создаваемого текстом, на сам процесс конструирования и реконструирования этого еще не завершеного образа; 5) пространственно-временная свобода, возникающая в результате ослабления миметических мотивировок» [3, с. 46]. В своей работе мы будем придерживаться определения исследователей В. Б. Зусевой и В. Б. Озкан, которые считают, что «...метароман – это двухплановая художественная структура, где предметом для читателя становится не только "роман героев", но и мир литературного творчества, процесс создания этого "романа героев"» [1, с. 1].

Принадлежность романа «Последний мир» к данному жанру определяется тем, что он повествует не только о судьбах героев, но и о творческом процессе, который берет начало в мире автора произведения и продолжается уже в условной реальности его героев.

Кристоф Рансмайр пишет о путешествии начинающего римского поэта Котты, который отправился в город Томы, чтобы узнать правду об истории Публия Овидия Назона, сосланного в этот край: «Томы, глухомань. Томы, край света. Томы, железный город» [8, с. 8]. Следует отметить, что Котта не является «заместителем» автора: герой не сам рассказывает свою историю, он не является субъектом, но – объектом повествования. Диалог позиций автора и героя создает двухплановость произведения, характерную для метапрозы.

Тип отношений автора и героя в «Последнем мире» можно обозначить как частичное слияние в едином процессе творчества как главном объекте изучения в романе. Кристоф Рансмайр имеет свой особый голос, создающий его отстраненную позицию по отношению к описываемым событиям и главному герою: он вместе с Коттой совершает путь по восстановлению утраченного текста «Метаморфоз», но, в отличие от героя, ему уже известны имена и судьбы ткачихи Арахны, наперсницы Котты Эхо, канатчика Ликаона и других персонажей. Кроме того, неотъемлемой частью романа является словарь под названием «Овидиев репертуар», где проведены авторские параллели между мифологическими и романскими героями. Эти заметки можно рассматривать в качестве ключей к тайнам жителей железного города, которые Котте только предстоит разгадать.

Текстов об утраченной и обретенной книге в XX веке возникает множество, начиная от «Вавилонской библиотеки» Х. Л. Борхеса, в которой книга и есть мир, а человеку дано лишь изумляться её величию, от «Имени розы» У. Эко, где человек выступает дисгармонирующей силой по отношению к миру вечности

и объективной гармонии библиотеки и продолжая «Синей тетрадь» П. Остера и «Миссис Шекспир» Р. Ная, переводящих метафизические модели раннего постмодернизма на язык «бытовой конспирологии».

Точкой отсчета для автора «Последнего мира» являются «Метаморфозы» Овидия, идея вечного превращения, которой австрийский писатель увлекся во время работы над прозаическим переложением древнеримской поэмы. Так родились 15 глав романа, которые соответствуют 15 книгам Овидия с 250 историями о превращениях. Текст поэмы и личная судьба древнеримского поэта становятся причиной путешествия и для Котты, который проводит 17 мучительных дней на борту «Тривии», чтобы добраться до Томов, и для читателя, пускающего по волнам древних метаморфоз. «Весть из железного города, <...> настигла Котту на застекленной веранде в одном из домов на римской виа Анастасио – светская болтовня среди бегоний и олеандров» [8, с. 10] – именно в этот момент герой становится случайным участником судьбы ссыльного поэта. Котта предстает перед читателем в роли исследователя, но уже в другом, «Последнем мире»: «Главный герой одновременно "обживает" как современную реальность XX века, так и реальность античного Рима» [2, с. 59]. В поисках утраченного текста «Метаморфоз» уже в первой главе романа Котта проходит своеобразный обряд посвящения, читая на камне фразу «Не сохраняет ничто неизменным свой вид» [8, с. 13], что делает его автором новой повествовательной линии внутри книги. Котта восстанавливает утраченный текст-реальность и открывает истину: «На этих лоскутках было написано, что Терей – это удад, а Прокна – соловей, что Эхо – отзвук, а Ликаон – волк... Не только стародавние, но и грядущие судьбы железного города трепетали от ветра на каменных пирамидах Трахилы либо, расшифрованные, скользили теперь сквозь пальцы Котты» [8, с. 218].

Австрийский писатель и его герой вступают в процесс сотворчества, так как обоих волнует проблема смысла искусства, соотношения поэтического творчества и человеческого бытия, которая существует вне временных границ: «*Не сохраняет ничто неизменным свой вид*; сознание этого, еще в Сан-Лоренцо наполнившее его столь же безмерной, сколь и незрелой мировой скорбью, в конце концов сблизило Котту с тем кружком Назоновых друзей, которые восхищались поэтом даже в его паденье, а после исчезновения Овидия упорно и самозабвенно читали его запрещенные книги, пока сотни стихов и речевых фигур не запечатлелись неизгладимо в их памяти» [8, с. 87].

На протяжении всего романа читатель улавливает мысль автора о том, что «...только поэт способен видеть и чувствовать великую взаимосвязь всего и вся» [2, с. 60]. Эту «чувственность» постепенно развивает в себе и Котта, а Кристоф Рансмайр наблюдает за становлением своего героя. История Котты является развернутой метафорой эволюции личности, итогом которой выступает активизация её творческих сил.

Таким образом, Кристоф Рансмайр создает свой текст поверх рукописи Публия Овидия Назона. «Протосюжет» является для автора началом, точкой отсчета, своего рода «предлагаемыми обстоятельствами» с уже состоявшимися задолго до начала новой истории событиями – это первый план романа. Второй план реализуется римлянином Коттой, его задача восстановить утраченный текст –

функциональная фабульная задача, которая является формальным основанием для дифференциации позиций автора и персонажа. Кроме того, их точки зрения часто оказываются разделены пространственно: взгляд Котты – взгляд равного: он смотрит снизу, видит грязь и пошлость жизни окружающих его героев, сочувствует их тяготам и ошибкам, автор имеет широкий временной и пространственный обзор, для него город и бухта – лишь часть большого мира, космоса, над которым властвуют стихи Овидия. Так образуется двуплановая структура повествования, характерная для метаромана, с акцентом на процессе литературного творчества.

Герой попадает из «своего мира», коим является для него Рим» [7, с. 6], в «чужой мир» Томов, где становится свидетелем метаморфоз, описанных Овидием. Котта является героем, объединяющим разрозненные временные пласты романа: мифологический, конкретно-исторический, вневременной и современный (из перспективы XX века). Например, это можно проследить в эпизоде с Эхо, когда в сознании героя спонтанно возникает следующее сравнение: «<...> лик Эхо, красота которого проступила и сквозь белые хлопья, разбудил в нем память о медлительных, мягких руках и ласках женщин Рима, а глаза Эхо, её взгляд и грациозность движений будто ещё и вновь приблизили к нему Рим» [8, с. 81].

Котта не находит рукописный текст, а проживает каждую историю превращений самостоятельно, посредством взаимодействия с жителями железного города, которые когда-то были собеседниками само Овидия. Постепенно ему удается понять, что на полотнах гобелена ткачихи Арахны воплощена «Книга птиц», а в рассказах Эхо – «Книга камней»: «Не глядя на него, точно беседуя сама с собою, Эхо и на самых трудных участках пути рассказывала о той книге, которую ссыльный читал в пламенах и которую она втайне звала Книгой камней» [8, с. 119].

Вместе с персонажами утраченной рукописи он участвует в «захватывающем процессе превращения текста в действительность», благодаря чему совмещаются два плана метаромана: «роман героев» и «роман романа» [4, с. 10], произведение воспринимается как особый целостный мир.

Библиографический список

1. Зусева, В. Б. Инвариантная структура и типология метаромана / В. Б. Зусева // Вестник РГГУ. – 2007. – № 7. – С. 35–44.
2. Кучумова, Г. В. «Текст в тексте»: «Метаморфозы» Овидия и роман К. Рансмайра «Последний мир» / Г. В. Кучумова // Experimenta Lucifera : сборник материалов IV Поволжского научно-методич. семинара. – Самара : СамГУ, 2006. – С. 59–62.
3. Липовецкий, М. Н. Из предыстории русского постмодернизма (метапроза Владимира Набокова от «Дара» до «Лолиты») / М. Н. Липовецкий // Русский постмодернизм (Очерки исторической поэтики). – Екатеринбург, 1997. – 317 с.
4. Озкан, В. Б. Метароман как проблема исторической поэтики : автореф. дис. ... д-ра филол. наук / В. Б. Озкан. – М. : РГГУ, 2013. – С. 46.
5. Павлова, Н. С. О характере австрийской литературы / Н. С. Павлова //

Природа реальности в австрийской литературе. – М. : Языки славянской культуры, 2005. – С. 13–46.

6. Плахина, А. В. Романы Кристофа Рансмайра и своеобразие австрийской прозы 1980-х–1990-х годов. К проблеме национальной идентичности : автореф. дис. ... канд. филол. наук / А. В. Плахина. – М. : Институт мировой литературы им. А. М. Горького РАН, 2007. – 21 с.

7. Потехина, И. Г. Роман Кристофа Рансмайра «Последний мир»: миф и литература : автореф. дис. ... канд. филол. наук / И. Г. Потехина. – СПб. : СПбГУ, 2005. – 22 с.

8. Рансмайр, К. Последний мир / К. Рансмайр ; пер. с нем. Н. Федоровой. – М. : Эксмо ; СПб. : Валери СПД, 2003. – 256 с.

9. Сейбель, Н. Э. Австрийская параллель: А. Штифтер, Г. Брок, Р. Музиль / Н. Э. Сейбель. – Челябинск : Изд-во ЧГПУ, 2005. – 290 с.

10. Фролов, Г. А. Между экспериментом и традицией: Переходные явления в прозе К. Рансмайра // Филология и культура. – 2014. – № 3 (37). – С. 183–186.